

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА (ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА)
ЧЕЛОВЕКА» КАК ФРАГМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ
ГОВОРОВ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Без глубокого всестороннего знания лексики народных говоров наше представление об облике русского человека, о его национальном характере оказалось бы существенно обедненным, ибо вся многообразная материальная и духовная жизнь народа находит то или иное отражение в диалектной лексике. «Народный живой язык, – справедливо отмечает В.М. Мокиенко, – очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям жизни народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность...» [Мокиенко 2005: 48]. Этот факт определяет исключительное богатство и разнообразие лексики сферы отрицательных качеств человека в говорах Ивановской области.

Материалом для анализа послужили данные словарной картотеки «Человек», которая хранится на кафедре общего и славянского языкознания Ивановского государственного университета и отражает современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX – начала XXI вв., в сравнении с данными Словаря русских народных говоров (СРНГ), Ярославского областного словаря (ЯОС). Для настоящего исследования принципиально важной является позиция системного подхода к отбору и исследованию материала, исключающая дифференциальный принцип и предполагающая равноправие всех языковых фактов, независимо от их общности с литературным языком. Такой подход характерен для многих весьма авторитетных работ в области диалектологии и лингвогеографии, он составляет теоретическую основу «Лексического атласа русских народных говоров».

Проявление скупости всегда вызывало резкую отрицательную оценку русского народа, о чем свидетельствуют пословицы: *У скупого и в Крещение льду не выпросишь; Что скупому в руки попало, то и пропало; Скупому душа дешевле гроша; Скупому человеку убавит Бог веку; Скраге деньги, что собаке сено* [Даль Пословицы русского народа 1: 103-105]. В связи с этим очень актуальным для диалектоносителей является обозначение жадного человека, что проявляется в исключительной частотности наименований, лексическая семантика которых включает в себя компоненты 'жадный', 'скупой', 'чрезмерно бережливый': *домови'тый, жадё'ба, жадну'щий, жадю'га, жидо'ба, жмот, жо'ркий, зажи'мистый, и'дол, крохобо'р (крохобо'рка), курку'ль, сквалы'га, скря'га, скупердя'й (скупердя'йка), ужи'мистый*.

Исследуемым говорам свойственны однокоренные образования от усеченной основы прилагательного *жа'дный* 'стремящийся взять себе, иметь у себя как можно больше чего-либо', 'скупой, корыстолюбивый' [МАС 1: 469]: *жадё'ба* и *жадю'га*, ср.: *Жадёб у нас отец не любил* (Фурмановский р-н, г. Фурманов). Из названных слов, употребляющихся с неодобрительным оттенком, в других

говорах (ярославских, владимирских, тверских, калужских, курских) получило распространение слово общего рода *жадѣба*, ср.: *Разделились мы, а свѣкр-жадѣба тѣлку не дал нам; Эта бабка такая жадѣба* [ЯОС 4: 39]; *Жадѣба! – говорят о скряге: серед зимы и льду не выпросишь*. Курск. [СРНГ 9: 57]. В просторечии и говорах бытуют и другие суффиксальные образования общего рода от основы данного прилагательного, характеризующие скупого, жадного, ненасытного человека: *жа'дина* и *жадю'га* с пометой *прост.* [МАС 1: 469], *жа'да* (Тул., Орл.), *жадѣ'на* (Краснояр., Енис.), *жа'дица* (Пск.), *жадну'ха* (Свердл.), *жадну'ша* (Твер., Пск., Урал.), *жадню'га* (Урал.) с пометой «экспрессивное», *жадоби'на* (Влад.), *жаду'ха* (Урал.), *жадю'ка* (Ворон., Урал.) [СРНГ 9: 57-60], *жадю'ха* с пометой *неодобр.* [ЯОС 4: 39]. Наши материалы содержат и диалектное слово *жадну'щий*, образованное с помощью суффикса *-ущ-* от прилагательного *жадный*, ср.: *Ирка-то, вообще-то она жаднущая всё-таки; И что ты жаднущий какой? Нельзя так... Он же твой братик, дай и ему маленько поиграть* (Шуйский р-н, п. Колобово).

Прилагательное *супо'й* 'чрезмерно, до жадности бережливый, всячески избегающий расходов, трат' [МАС 4: 126] стало производящим для просторечного оценочного существительного *скупердя'й* (*скупердя'йка*) 'скупой человек' [МАС 4: 125], широко распространенного в анализируемых говорах (Родниковский, Южский, Вичугский, Шуйский р-ны), ср.: *Если человек жадный, то его скупердяем называют* (Вичугский р-н, г. Вичуга); *Не будь скупердяем-то уж... Дай, раз просит* (Шуйский р-н, п. Колобово). Следует заметить, что в говорах слово *скупердя'йка* не только отрицательно оценивает жадного человека, но и употребляется по отношению к завистливой женщине (Новг.) [СРНГ 38: 188].

В наименованиях *жмот*, *свалы'га*, *скря'га* актуализируется дополнительная сема 'чрезвычайно скупой человек', ср.: *Вот жмот, снега зимой не выпросишь* (Родниковский р-н, п. Каминский); *Парень много запросил денег, прямо свалыга какой-то* (Тейковский р-н, г. Тейково); *Эка скряга, подумай-ка* (Шуйский р-н, п. Колобово); *У, скряга, чтоб тебе... – Ларис, ты на кого такая сердитая? – Да вон Филиппович опять сено зажал* (Юрьевецкий р-н, д. Щекотиха). Интересно, что в говорах Забайкалья лексема *жмот* является наименованием богатого крестьянина-собственника, кулака [СРНГ 9: 206], а ярославским говорам известен глагол *жмо'тить* в значении 'жалеть что-либо, не давать', ср.: *Да жмотит он, не проси у него больше ничего* [ЯОС 4: 49]. По данным СРНГ и ЯОС слова *свалы'га* и *скря'га* помимо указанного значения номинируют неуживчивого, вздорного, сердитого человека, скандалиста [СРНГ 38: 168], [ЯОС 9: 35].

Лексема общего рода *жидо'ба* (Лухский р-н, д. Слободки), называющая скупца, восходит к разговорному слову *жид* 'презрительное, бранное название еврея' с пометой *груб. прост.* [МАС 1: 483] и расхожему стереотипу о жадности евреев, ср.: у В.И. Даля – 'скупой, скряга, корыстный скупец' (*Живи, что братъ, а торгуйся какъ жидъ*) [Даль 1: 688].

В Шуйском районе отмечено слово *идол*, совмещающее в структуре своего лексического значения семы 'жадный' и 'бестолковый или бесчувственный' [МАС 1: 631], ср.: *У него, идола, снегу зимой не выпросишь, не то, что другого чего* (Шуйский р-н, п. Колобово). Возможно, данное наименование связано с бытующим во владимирских говорах глаголом *идольничать* 'жадничать', ср.: *Не знаю чего идольничает*. Влад. [СРНГ 12: 77].

Скупого человека, собирающего всякую мелочь, в говорах Лухского района характеризуют словом *крохобо́р (крохобо́рка)*, мотивированным диалектным глаголом *крохобо́рить* ‘скупиться, быть мелочно экономным’ Пск., Твер. [СРНГ 15: 286]. Вологодским и ярославским говорам известен дериват с корнем *крохобор-*, называющий мелочного, скупого человека: *крохобо́рник*, ср.: *Как бы не такой крохоборник был, так может и купил бы для сынишки игрушку*. Волог. [СРНГ 15: 286]; *Ничего не даст, такой крохоборник* [ЯОС 5: 93].

Как наименование человека жадного, чрезмерно бережливого, скупого в Шуйском районе употребляется слово *курку́ль*, имеющее неодобрительную окраску, ср.: *Скупой – это куркуль. Наханает себе всего, что деть потом некуда* (Шуйский р-н, п. Колобово). В других говорах, по данным СРНГ, слово *куркуль* отсутствует. В значении ‘крестьянин-кулак на Украине’ [МАС 2: 153] оно зафиксировано в словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой.

Диалектное прилагательное *жо́ркий* в народной речи известно в значениях: ‘жадный’ – ивановские, челябинские говоры, ср.: *А парень молодой, только жоркий* (Тейковский р-н, г. Тейково); ‘прожорливый; неприхотливый в еде’ – владимирские, костромские, вологодские, пермские, свердловские, челябинские говоры [СРНГ 9: 216]. Мотивирующим для данного прилагательного является просторечный глагол *жрать* ‘есть с жадностью’ [МАС 1: 488]. На базе этого значения и происходит дальнейшее семантическое развитие слова.

В меньшей степени с оттенком неодобрения в ивановских говорах употребляются такие прилагательные, как *домови́тый* (ср.: в литературном языке – ‘заботящийся о своем доме, хозяйстве, материальном благополучии; хозяйственный’ [МАС 1: 426]), *заци́мистый, ужци́мистый* ‘избегающий трат, издержек; скупой’, ср.: *А как бы Вы назвали скупого человека? – Жадный, домовитый* (Родниковский р-н, д. Бердюково); *Надо же, такие молодые люди, а такие ужимистые* (Тейковский р-н, г. Тейково).

Беззаботного, легкомысленного, непостоянного человека в говорах Ивановской области характеризуют как общенародные: *беззабо́тный* ‘не проявляющий заботы о своих делах; беспечный’ [МАС 1: 72], *легкомы́сленный* ‘поступающий, действующий без достаточного размышления, несерьезный’ [МАС 2: 170], *пусто́й* ‘несерьезный, духовно ограниченный (о человеке)’ [МАС 3: 561], ср.: *И что за люди, беззаботные каки-то! Они думают, баушки-то да матеря вечно проживут* (Шуйский р-н, п. Колобово); *Легкомысленная она какая-то у них выросла: всё одни гулянки на уме* (Родниковский р-н, п. Каминский); *Беззаботного человека мы называем пустой человек* (Тейковский р-н, г. Тейково), так и диалектные слова: *заполо́шный, располо́шный, хаба́йка*.

Для однокоренных синонимов *заполо́шный* и *располо́шный*, различающихся префиксами, характерен общий семантический компонент ‘легкомысленный, непостоянный, несерьезный, ветреный’, ср.: *Какой же всё-таки Семён заполошный, представь только, опять всю зарплату прогулял и жить не на что* (Юрьевецкий р-н, д. Щекотиха); *Мы все располошные маленькие* (Фурмановский р-н, г. Фурманов). В указанном значении лексема *заполошный* также известна сибирским, томским говорам; в значениях ‘взбалмошный, сумасбродный’, ‘склонный к ссорам, вздорный’, ‘суетливый, беспокойный; вносящий переполох’ – сибирским, тюменским, свердловским говорам [СРНГ 10: 340]. По своему

происхождению рассматриваемые лексемы могут быть связаны с глаголом *поло'шить* 'тревожить, мутить, смущать, беспокоить, волновать, пугать, подымать и возбуждать, нарушать покой' [Даль 3: 339] и существительными: укр. *поло'х* «страх», *по'лох* «ужас», блр. *по'лох* «испуг», русск.-цслав. *плахъ* «страх» [Фасмер 3: 317].

В Шуйском районе в качестве оценочного зафиксировано слово *хаба'йка* 'легкомысленная женщина', ср.: *Эта день целый хохочет, как хабайка* (Шуйский р-н, п. Колобово), являющееся фонетическим вариантом лексемы *хаба'лка*, обозначающей в ярославских говорах наглуую, бесстыдную женщину, ср.: *Я ещё таких хабалок не привидывал* [ЯОС 10: 29].

Проявление гордости, зазнайства всегда вызывало резкую отрицательную оценку русского народа, ср.: *Гордым быть, глупым слыть; Спесивый высоко мостится (летает), да низко ложится (садится); Гордому кошка на грудь не вскочит; Чванство не ум, а недоумье* [Даль Пословицы русского народа 2: 287], поэтому лексические единицы, отражающие эти черты характера человека, весьма частотны в рассматриваемых говорах: *ва'жный, вообража'листый, воображу'н, го'рдый, горде'ц, горду'н, гордя'к, додо'н, зазна'й, зазна'йка, зано'счивый, и'дол, кочевря'га, кошка на грудь не прыгнет, петуши'стый, рыля'стый, фарао'нка, чванли'вый, чванови'тый*. Большинство из них произошло либо от глаголов, либо от прилагательных.

Например, прилагательное *го'рдый* 'считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; заносчивый, высокомерный' [МАС 1: 332] стало производящим как для общенародного оценочного существительного *горде'ц* 'заносчивый, высокомерный человек' [МАС 1: 332], так и для бытующих в ивановских говорах словообразовательных синонимов *горду'н, гордя'к*, ср.: *Была я тоже с зубами, гордая такая, неглупая* (Родниковский р-н, с. Никульское); *Лёшка-то гордец, да? – Ещё какой* (Юрьевецкий р-н, д. Щекотиха); *Сейчас все молодые такие невежи стали, но мы видали таких гордунов* (Тейковский р-н, г. Тейково). Также в указанном значении лексема *гордун* известна курским говорам [СРНГ 7: 29], в то время как диалектное слово *гордяк* употребляется исключительно на территории Ивановской области (Южский р-н, г. Южа). Многочисленные наименования с корнем *горд-* в русских говорах свидетельствуют о резком осуждении, порицании в народной среде гордого, заносчивого человека: *горда'н* (Костром.), *горда'ш* (Иван.-Вознес.), *горде'й* (*горде'йка*) (Ворон., Курск.), *гордѣ'на* (Арх., Твер.), *гордѣ'ха* (Пск., Твер.), *гордѣ'шка* (Казан.), *горди'н* (Онеж.), *горди'нка* (Смол.), *гордия'н* (Орл., Нижегород., Костром.), *горды'ня* (Том.), *гордя'й* (Ворон.), *гордя'нка* (Даль) [СРНГ 7: 26-30].

Целый ряд лексических единиц, называющих в ивановских говорах горделивого, спесивого человека, мотивируется глаголами, свойственными разговорной речи: родственные слова *воображу'н, вообража'листый* – *вообража'ть* 'быть чрезмерно высокого мнения о себе' с пометой *прост.* [МАС 1: 210], ср.: *Воображун он хороший, о себе большого мнения* (Родниковский р-н, п. Каминский); однокоренные субстантивы *зазна'й* (в том числе нижегородские, владимирские, костромские, ярославские говоры [СРНГ 10: 94], [ЯОС 4: 72]), *зазна'йка* – *зазна'ться* 'возомнить о себе, стать высокомерным' с пометой *разг.* [МАС 1: 522], ср.: *Я всё Шурочка да Шурка, Шурка вон какой зазнай, Шурочка другую любит, А меня-то как же жаль* (из фондов Историко-краеведческого

музея г. Юрьевца); *Он зазнался больно теперь. Как зазнайка, нос кверху, а морду в сторону, и не глядит, не признаётся* (Шуйский р-н, п. Колобово); прилагательные **зано'счивый** – занести'сь 'зазнаться, загордиться' с пометой *разг.* [МАС 1: 550], **петуши'стый** – петуши'ться 'вести себя задиристо, запальчиво, как петух' с пометой *разг.* [МАС 3: 116], ср.: *Некоторые из молодёжи такие заносчивые, что даже не здороваются* (Тейковский р-н, г. Тейково); *Скоро к нам командир пришёл, петушистый такой* (Фурмановский р-н, г. Фурманов); диалектное существительное общего рода **кочевря'га** (Лухский р-н, д. Слободки; а также новгородские говоры [СРНГ 15: 124]) – *кочевря'жаться* 'упрямиться, ломаться' с пометой *прост.* [МАС 2: 117].

Ряд лексем образован от абстрактных существительных: **ва'жный** 'исполненный достоинства, величавый, гордый' – *ва'жность* 'величавость, надменность в поведении, осанке, манере обращения' [МАС 1: 133], ср.: *Уж больно он важный стал теперича* (Шуйский р-н, п. Колобово); **чванли'вый, чванови'тый** 'склонный к чванству' – *чва'нство* 'тщеславная гордость, важничанье, кичливость, спесь' [МАС 4: 657], ср.: *О, пошёл чванливый наш орел. Нос поверху, глазищи ехидные, как только земля-то таких носит* (Юрьевецкий р-н, д. Щекотиха); *Но и чвановитая была, от чужих помощи не брала, хотя помогала всем* (Тейковский р-н, с. Морозово). В Юрьевецком районе зафиксирован глагол *чва'ниться* 'зазнаваться, гордиться'.

Наряду с ивановскими, в ярославских говорах бытует слово **додо'н** 'заносчивый человек', представляющее собой семантический дериват, так как в прямом значении служит названием петуха, ср.: *Молодой додон хорошо поёт* [ЯОС 4: 8]; *До чего гордый, как додон, прямо* (Шуйский р-н, п. Колобово). По-видимому, переносное значение для характеристики лица возникло у слова на основе жизненных наблюдений диалектоносителей за повадками и нравом этой птицы, занимающей особое положение на птичьем дворе и являющейся одной из основных в домашнем хозяйстве селянина. Петух традиционно наделялся признаками опекуна хозяйства. Так, например, крестьяне верили, что без петуха не будет плодиться и водиться скот, у коровы будет безвкусным молоко и масло, хозяйство оскудеет и т.д. Таким образом, в народном сознании петух ассоциируется не столько с отрицательными качествами человека (гордыня, высокомерие), сколько является символом вечного возрождения жизни (как птица, своим криком возвещающая восход солнца, а следовательно, возвращающая на землю свет и тепло, без которых невозможна жизнь), домовитости, храбрости, надежности.

Презрительная оценка высокомерного человека передается прилагательным **рыля'стый** (Савинский р-н), мотивированным однокоренным существительным *ры'ло* в значении 'гордый и эгоистичный человек', ср.: *Какой он рыло: прошёл и не поздоровался* [ЯОС 8: 143]. Семантика данных наименований связана с лексемой *ры'ло* 'лицо' с пометой *груб. прост.* [МАС 3: 745] и просторечным выражением *воротить рыло* 'относиться к кому-, чему-либо с презрением, пренебрежением' [МАС 1: 213].

В Шуйском, Комсомольском районах по отношению к заносчивой, высокомерной женщине употребляется слово **фарао'нка**, ср.: «"Ты, как фараонка", - говорят в насмешку о человеке, который много знает, говорит заносчиво; Лентяйка хорошая, высокомерная, вся из себя такая, живёт как

фараонка (Шуйск., Комс.)» [Батырева 2009: 127]. Данное наименование связано по значению с существительным *фарао́н* ‘древнеегипетский царь’ [МАС 4: 553], «фараон, др.-егип. царский титул» [Фасмер 4: 185]. Выбор объекта сравнения обусловлен особым высоким положением фараона, который считался сыном бога, к нему относились как к богу. Заметим, что в исследуемых говорах уподобление царствующей особе носит ироничный оттенок.

О людях, с пренебрежением относящихся к окружающим, говорит русская народная пословица: *Гордому кошка на грудь не вскочит* [Даль Пословицы русского народа 2: 287], вариант которой зафиксирован в ивановских говорах – *кошка на грудь не прыгнет* (Шуйский р-н). Вероятно, семантика данных фразеологических сочетаний имеет отношение к расхожему мнению, что кошки отлично чувствуют плохих людей.

Упрямого, самоуверенного, несговорчивого человека в рассматриваемых говорах характеризуют наименования: *бара́н, бык, кобе́нистый, насты́рный, су́порень, упе́ртый, упо́рный*.

Из названных отрицательно-оценочных слов стоит выделить зооморфные метафоры такие, как *бара́н* и *бык*, ср.: *Упрямый как бык, как баран* (Родниковский р-н, п. Каминский). Как правило, такое метафорическое употребление отражает особенность характера животного, является результатом многовекового наблюдения человека за ним. Характеризуя своего ближнего названием животного, человек концентрирует в последнем лишь одно качество, делает из животного символ этого качества. Причем самые обидные характеристики люди выбирают из числа названий домашних животных, покорно и преданно служащих человеку тысячелетия.

Ряд наименований данного микрополя имеют прозрачную внутреннюю форму, в них довольно легко угадывается мотивация: прилагательное *кобе́нистый* ‘упрямый, своенравный’, известное также в тульских, уральских говорах, ср.: *Кого упростишь, она така кобениста, упряма*. Тул. [СРНГ 13: 357], мотивировано просторечным глаголом *кобе́ниться* ‘не соглашаться на что-либо, заставляя упрасивать себя, упрямится’ [МАС 2, 64], ср.: *Кобенистый, если не хочет уступить* (Тейковский р-н, г. Тейково); *насты́рный, упе́ртый* ‘упорный, чрезвычайно настойчивый’ – диалектным глаголом *насты́рничать* ‘упрямится, упорствовать, настаивать на своем, нахально добиваться своего’ [СРНГ 20, 203] и разговорным глаголом *упере́ться* ‘упорно настаивать на чем-либо, не желать соглашаться на что-либо или уступить в чем-либо’ [МАС 4, 501-502], ср.: *Вот ведь настырный какой; Да, ребята юрьеveckие настырные попались. Проигрывать никак не хотят* (Шуйский р-н, п. Колобово); *Надо же какой упе́ртый попался, ну никак не соглашается раньше поехать* (Юрьеveckий р-н, д. Щекотиха); *А он упе́ртый попался, всё на своем стоит* (Фурмановский р-н, г. Фурманов). Как видим, данные единицы, помимо указанной ядерной семы ‘упрямый’, содержат потенциальную сему ‘не отступающий от своего’.

Бытующее в Вичугском районе слово *су́порень* ‘об упрямом человеке’, ср.: *Супорень – это человек очень упрямый, упрётся и ни в какую* (Вичугский р-н, г. Вичуга), хорошо известно и ярославским говорам в значении ‘о живом, веселом, легкомысленном человеке’ [СРНГ 42, 253]. Оно соотносится с семантически многоплановым прилагательным *супо́рный* (ср.: *упо́рный* ‘не

отступающий от своего, упрямый' [МАС 4, 505]), которое в сибирских, архангельских говорах употребляется в значении 'строптивый, несговорчивый, упрямый', ср.: *Супорная у него жена, гладкого слова не скажет, спорить любит очень она.* Арх.; в пермских – 'сварливый, склонный к ссорам'; в ярославских – 'упорный, настойчивый (о человеке)'; в донских – 'суровый, хмурый (о человеке)', ср.: *Да зять у меня больно супорный.* Дон. [СРНГ 42, 254].

Ловкий, хитрый, скрывающий свои намерения человек обозначается диалектоносителями с помощью наименований типа *афери'ст, изворо'тливый, ловка'ч, лука'вистый, лука'вица, пройдо'ха, проны'ра, прощелы'га, хитре'ц, хитру'ля, хитру'шка, хи'трый, хитрю'га, я'рый.* Большинство данных наименований имеет общенародные корневые морфемы, уже содержащие в своем значении сему 'притворство с каким-либо умыслом'.

Так, распространены в ивановских говорах лексемы, мотивированные прилагательными: существительное *ловка'ч* 'ловкий, изворотливый человек' – разговорным прилагательным *ло'вкий* 'умеющий найти выход из трудного положения, сообразительный // изворотливый, хитрый' [МАС 2, 195], ср.: *Ну и ловкач, везде пролезет!* (Родниковский р-н, п. Каминский); *Из-под девятой сваи вывернется, из воды выйдет. Ну это о проныре, ловкаче, говорится* (Южский р-н, г. Южа); однокоренные слова *лука'вистый* 'хитрый, лукавый' (также известное тюменским говорам, ср.: *Суседка лукависта, товда схитрила.* Тюмен. [СРНГ 17, 187]), *лука'вица* 'хитрая, коварная женщина' – прилагательным *лука'вый* 'склонный к козням, интригам, хитрый, коварный' [МАС 2, 204], ср.: *Есть у нас женищина в подъезде. У неё и глаза-то лукавистые* (Тейковский р-н, г. Тейково); *Лукавица смотрит хитро, ведь знала, что скрывает* (Фурмановский р-н, г. Фурманов); суффиксальные образования *хитре'ц, хитру'ля, хитру'шка, хитрю'га* 'хитрый человек' – прилагательным *хи'трый* 'скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-либо, лукавый' [МАС 4, 600], ср.: *За ним, хитрым чёртом только и гляди! Не успела отвернуться, а он, погляди-ка, чего наделал... Везде поспел чёрт; Хоть ты и хитрец, но меня не проведёшь, я тебя знаю, так что не надо мне тут рассказывать; Ты хитрушка какая-то стала! Сё секреты каки-то, гляжу* (Шуйский р-н, п. Колобово); *У нас есть женищина в подъезде, такая хитруля* (Тейковский р-н, г. Тейково); *Мы его, хитрюгу, в сугроб за это посадили* (Фурмановский р-н, г. Фурманов); существительные общего рода *пройдо'ха* 'пронырливый, хитрый, ловкий в делах человек' (Лухский р-н, д. Слободки) и *проны'ра* 'пронырливый человек; ловкач' – прилагательными *до'шлый* 'ловкий, хитрый, смысленный' с пометой *прост.* [МАС 1, 442], *проны'рливый* 'всюду успевающий, проникающий, находящий себе доступ благодаря ловкости, хитрости' с пометой *разг.* [МАС 3, 507], ср.: *Ловкого и хитрого человека мы называем пронырой; У нас в подъезде есть такая женищина, проныра* (Тейковский р-н, г. Тейково); *Да ладно, дай им пронырам, наши же* (Фурмановский р-н, г. Фурманов); *Она, как проныра, везде поспела* (Шуйский р-н, п. Колобово). Заметим, что в ярославских, псковских, тверских говорах отрицательная оценка пронырливого человека передается родственным словом *ны'ра*, мотивированным диалектным глаголом *ны'рить* 'высматривать, выглядывать, выискивать, выслеживать' Новг., Тамб. [СРНГ 21: 323-324]. Древнерусскому языку был известен глагол *нырити* 'лгать, преднамеренно исказить истину' и образованное от него абстрактное существительное *нырение*,

зафиксированное в таких лексико-семантических вариантах, как ‘заблуждение, ложные представления’, ‘уловка, выдумка, хитрость’, ‘лукавство, коварство’ [СРЯ XI-XVII вв. 11: 452].

Презрительная оценка плута, мошенника, способного одурачить кого-либо, лишить его бдительности, в ивановских говорах передается словами *афери’ст*, ср.: *Одни аферисты кругом!* (Родниковский р-н, п. Каминский), и *процелы’га* (Лухский р-н, д. Слободки). Приведенное существительное *процелыга* в астраханских, тамбовских, костромских, вологодских говорах имеет значение ‘обманщик, лгун, хвастун (иногда бранно)’, ср.: *Такого процелыгу не скоро найдёшь*. Костром.; в вятских, владимирских, пермских, смоленских – ‘насмешник, тот, кто, насмехаясь, одурачивает других’, ср.: *Этот процелыга проведёт какую девку, наавтра её и обсмеёт, да ещё и наговорит лишнего*. Смол. [СРНГ 33: 57]. Данные наименования отличаются семантической мотивированностью: у первого слова наблюдается связь с абстрактным существительным *афё’ра* ‘рискованное и недобросовестное дело, предприятие с целью наживы’ [МАС 1, 52], у второго – с глаголом *процелы’жить* (*процелы’жничать*) ‘промышлять, мошенничать на чужой счет’ [Даль 3, 694].

Бытующая в Родниковском районе лексическая единица *я’рый* номинирует ловкого, находчивого, активного человека, ср.: *Ярая была девчонка, всё нас ругала. – Что Вы имеете ввиду под словом «ярая»? – Ловкая* (Родниковский р-н, с. Парское).

В большинстве случаев трудно определить значение рассмотренных единиц, поскольку они отличаются диффузностью семантики, указывая и на природную смекалку, умение найти выход в трудных обстоятельствах, и на хитрость, плутовство. Неоднозначна и экспрессия данных лексем: с одной стороны, осуждение, неодобрение, ироническое отношение, с другой – положительная оценка, иногда даже восхищение этими качествами человека.

Наблюдения над функционированием лексики в ивановских говорах позволили убедиться в том, что все единицы рассмотренного нами поля «Отрицательные качества (черты характера) человека» являются важнейшим средством образной характеристики личности и эмотивной оценки внутреннего мира человека, при этом отрицательные коннотации слов формируются посредством фокусирования внимания диалектоносителей на социально порицаемых качествах – жадности, легкомысленности, чрезмерной гордости, упрямстве, хитрости, жуликоватости, то есть таких, «которые проявляются исключительно в социуме» [Березович 2007: 98]. Вместе с тем, проведенное исследование показало, что в большинстве своем представленные лексемы содержат общерусские корни и имеют прозрачную словообразовательную и семантическую структуру. Данный факт свидетельствует об общей динамике развития диалектной системы, заключающейся в утрате многих слов, связанных с обозначением реалий старого, фактически уже разрушившегося крестьянского уклада, и выдвижении на первый план лексики разговорно-обиходного характера, имеющей много общего с просторечной и разговорной лексикой литературного языка, но при этом обладающей местной, локальной спецификой.

Библиографический список

1. Батырева, Л.П. Лексика ивановских говоров [Текст]: учебные материалы / Л.П. Батырева. –

- Шуя : Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ», 2009. – 139 с.
2. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура [Текст]: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М., 2007. – 600 с.
  3. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2-х т. / В.И. Даль. – СПб. – М., 1879.
  4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб., 1903.
  5. МАС – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 1-4. – М., 1985-1988.
  6. Мокиенко В.М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В.М. Мокиенко. – СПб. : Азбука-классика, Авалон, 2005. – 256 с.
  7. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1-43. – М., Л., СПб., 1965-2010.
  8. СРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28. М., 1975-2008.
  9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986-1987.
  10. ЯОС – Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. Т. 1-10. – Ярославль, 1981-1991.